

ОБЗОРЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О САМОѢДСКИХЪ ПЛЕМЕНАХЪ

ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ СИБИРИ

Князя Н. Кострова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ, Казанская, № 33.

1879

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Іюня 1879 г.

Всю сѣверо-западную Сибирь, начиная отъ Уральскаго Хребта до рѣки Хатанги, въ отношеніи обитающихъ въ ней инородческихъ племенъ, можно раздѣлить на двѣ полосы: западную, или Угорскую, и восточную, или Самоѣдскую. Западную полосу, отъ Уральскаго Хребта до Оби, заселяютъ финскія племена: Вогулы и Остяки; восточную, отъ Оби до Хатанги — Самоѣды, составляющіе, какъ извѣстно, переходъ отъ финскаго племени къ туркомонгольскому. Впрочемъ, при такомъ разграниченіи финскаго и самоѣдскаго племенъ, годномъ только для общаго и болѣе нагляднаго обзора ихъ расселенія, не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что какъ тѣ, такъ и другія, занимаютъ значительныя пространства и внѣ означенныхъ предѣловъ. Такъ, нѣкоторыя значительныя отрасли остяцкаго племени находятся: въ Васъ-юганской степи къ сѣверу отъ рѣкъ Демьянки и Васъ-югана; вдоль по всему теченію Оби ниже впаденія Тыма; по всѣмъ притокамъ впадающимъ въ Обь въ предѣлахъ этой области, за исключеніемъ Лямина-Сора; наконецъ — по р. Надыму. Съ другой стороны, Самоѣды еще въ болѣшемъ размѣрѣ переступили означенныя выше границы: они заняли весь берегъ Ледовитаго Моря отъ Вѣлаго, на западѣ, до залива Хатангскаго, на востокѣ; распространились въ Васъ-юганской степи по рѣкамъ Чаѣ, Парабелю и Чежабкѣ; наконецъ, въ видѣ немногочисленныхъ остатковъ, являются въ долинахъ рѣкъ Уды и Бирюсы, а равно въ верхней долиніи Енисея и въ Саянскихъ Горахъ, которыя, по всей вѣроятности, и были первоначальною ихъ родиною.

Настоящее этнографическое обозрѣніе относится только до Самоѣдовъ.

По мѣсту жительства, Самоѣды раздѣляются на двѣ группы: сѣверную и южную. Первая до сего времени значительно сохранила еще въ главныхъ чертахъ свою народность; она живетъ въ сѣверной Сибири, состоя изъ трехъ вѣтвей: Юрацкихъ Самоѣдовъ, Тавги-Самоѣдовъ и Остяко-Самоѣдовъ. Вторая группа, обитающая въ сѣверной части Томской губерніи, южной Енисейской и юго-западнѣе Иркутской, состоитъ изъ Самоѣдовъ или обрусѣвшихъ,

или отатарившихся, или омонголившихся, каковы Томскіе Самоѣды, Камасинцы, Карагасы, Кайбалы, Маторы, Бельтиры и Сойоты.

Обращаясь сперва къ сѣверной группѣ Самоѣдовъ.

Юрацкіе Самоѣды, называющіе сами себя Хасова, занимаютъ въ Сибири прибрежье Ледовитаго Моря, отъ восточнаго склона Урала до р. Енисея; Тавги-Самоѣды обитаютъ въ мѣстности между рѣками Енисеемъ и Хатангою, по Малой и Большой Низовымъ тундрамъ; Остяко-Самоѣды бродятъ къ югу отъ двухъ помянутыхъ вѣтвей, въ лѣсной полосѣ Тобольской и Енисейской губерній: по лѣвую сторону Енисея—по рѣкамъ Турухану, Байхѣ, Елогу, Сыму и Тазу, а по правую—по Подкаменной Тунгукѣ и ея притокамъ. Нѣкоторые изъ Остяко-Самоѣдовъ приняли оскд-лость и живутъ на р. Кети.

Изученіе этнографіи сибирскихъ инородцевъ вообще началось у насъ въ XVIII вѣкѣ, со времени большихъ экспедицій, предпринимавшихся Правительствомъ (1733, 1755, 1768, 1755, 1750, 1795 годахъ), съ цѣлію изслѣдованія различныхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи. Имена участниковъ этихъ экспедицій, профессоровъ Академіи Наукъ, Миллера, Гмелина, Лепехина, Палласа и другихъ, извѣстны каждому образованному человѣку. Къ тому же самому времени относится и начало изученія этнографіи Сибирскихъ Самоѣдовъ.

Первое обстоятельное свѣдѣніе о Сибирскихъ Самоѣдахъ, живущихъ между Уральскимъ Хребтомъ и Обью, принадлежитъ спутнику Палласа, студенту Зуеву, впослѣдствіи времени адъютанту Академіи по части физики. Лѣтомъ 1771 года Зуевъ проплылъ изъ Тобольска по Иртышу и Оби до Ледовитаго Моря, и наблюдалъ Самоѣдовъ близъ Обдорска и въ сосѣднимъ съ нимъ мѣстахъ. Заѣтки его по этому предмету помѣщены Палласомъ въ его сочиненіи: *„Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства“*, Спб. 1786—1788, части III, полов. 1, стр. 88—126. Палласъ пишетъ, что заѣтки эти не такъ полны, какъ доставленные Зуевымъ объ Остякахъ, потому что Самоѣды близъ Обдорска живутъ въ незначительномъ числѣ, а находящіеся въ сосѣднихъ мѣстахъ почти смѣшались съ Остяками. Тѣмъ не менѣе, наблюденія Зуева разнородны и довольно полны, обнимая почти весь бытъ Самоѣдовъ. Приведя въ своихъ заѣткахъ имена которыми Самоѣды называютъ сами себя, и которыми называютъ ихъ сосѣднія племена (стр. 88), Зуевъ старается объяснить причину заставившую Самоѣдовъ удалиться въ негостепріимныя пустыни окаймляющія Ледовитое Море, указываетъ на родство ихъ съ Кайбалами, Сойотами, Камасинцами и Карагасами, живущими далеко южнѣе,

и высказываетъ догадку о прежней ихъ родинѣ — Саянскихъ Горахъ (89 — 90). Потомъ онъ довольно подробно описываетъ наружный видъ Самоѣдовъ (90—91), мужскую и женскую ихъ одежду (91—92), жилища и пищу (92—93), общественное положеніе женщины (94—96), свадебные обряды (96—98) и обряды при родинахъ и похоронахъ (99—102). Составленное Зуевымъ описаніе Самоѣдовъ оканчивается нѣкоторыми свѣдѣніями о шаманахъ (102—105), самоѣдскихъ божкахъ (105) и народныхъ увеселеніяхъ (105). Къ описанію Зуева Палласъ прибавилъ отъ себя, основанное, вѣроятно, на дневникѣ Зуева, подробное описаніе рыбопромышленности и звѣроловства Остяковъ и Самоѣдовъ (105—126).

Почти тѣже свѣдѣнія о сѣверныхъ Самоѣдахъ Сибири находятся въ сочиненіи академика Георги: *«Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ»*, Спб. 1799 г., ч. III, стр. 1—12. Вкратцѣ онѣ повторены и въ *«Статистическомъ Обзорѣ Сибири, составленномъ по Высочайшему повелѣнію, на основаніи свѣдѣній почерпнутыхъ изъ актовъ Правительства и другихъ достоверныхъ источниковъ»* Спб. 1810, стр. 170—175.

Вообще должно сказать, что свѣдѣнія о сѣверныхъ Сибирскихъ Самоѣдахъ, сообщенныя Зуевымъ и распространенныя посредствомъ названнаго выше путешествія Палласа, долго служили почти единственнымъ источникомъ для этнографіи этого племени, пока, наконецъ, въ 1833 году, не вышло въ Москвѣ сочиненіе Бѣлявскаго, подъ названіемъ: *«Поездка къ Ледовитому Морю»*. Авторъ этого сочиненія былъ членомъ Тобольской Врачебной Управы и, совершивъ поездку свою къ берегамъ Ледовитаго Моря въ качествѣ медика, для изысканія средствъ къ прекращенію между инородцами сифилиса и другихъ болѣзней, имѣлъ полную возможность близко познакомиться съ Самоѣдами или получить точныя объ нихъ свѣдѣнія отчасти въ Обдорскѣ, во время ярманки, на которую Самоѣды собираются изъ всего Березовскаго Края для взноса въ казну ясака, а отчасти въ другихъ мѣстахъ. Замѣтки Бѣлявскаго о Самоѣдахъ находятся на стр. 147—182 названной выше его книги. Въ нихъ онъ говоритъ о численности Самоѣдовъ Березовскаго Края (147—148), о религіи ихъ (148—152), о мѣстахъ обитаемыхъ Самоѣдами (152—153); описываетъ довольно подробно жилища (154—156), наружный видъ и сложеніе Самоѣдовъ (156—159), нравы ихъ (159—163), одежду (163—164), образъ жизни (164—166), пищу (166—167), занятія, промысла и орудія, при этомъ употребляемыя (167—168, 174—182), общественное устройство (169—172) и болѣзни, господствующія между Самоѣдами (172—173). Замѣтки Бѣлявскаго особенно подробны и удовлетво-

рительны тамъ гдѣ дѣло идетъ о предметахъ знакомыхъ ему спеціально, какъ медику.

Вышедшее въ 1835 г. сочиненіе Степанова, подѣ названіемъ: «Енисейская Губернія», Спб. 2 ч. (ч. II, стр. 37—45), представляетъ общій очеркъ быта сѣверныхъ Самоѣдовъ обитающихъ въ Туруханскомъ Краѣ. Степановъ, какъ губернаторъ, посѣщалъ Туруханскій Край и, будучи человѣкомъ образованнымъ и наблюдательнымъ, могъ бы собрать многія, весьма важныя свѣдѣнія о тамошнихъ инородцахъ; но принятая имъ форма для своего сочиненія, въ видѣ отчета за десятилѣтнее управленіе Енисейскою Губерніей, заставила его ограничиться извѣстными рамками и обратить вниманіе болѣе на другіе предметы, чѣмъ на этнографію.

Никто не сдѣлалъ столько для изученія этнографіи Самоѣдовъ вообще и сибирскихъ Самоѣдовъ въ частности, какъ гельсингфорскій профессоръ Кастрень. Посвятивъ всю дѣятельность своей жизни изслѣдованію языка, нравовъ, религіи, обычаевъ, образа жизни и прочихъ этнографическихъ отношеній Финскаго Народа и другихъ съ нимъ родственныхъ племенъ, Кастрень началъ изучать бытъ Самоѣдовъ на мѣстѣ въ 1843 году, въ многотрудномъ странствованіи своемъ по тундрамъ Архангельской губерніи и потомъ далѣе черезъ Уральскій Хребетъ до Обдорска, куда онъ прибылъ осенью 1843 г. Въ 1845 году, по порученію Академіи Наукъ, онъ предпринялъ новое большое путешествіе по Сибири, окончившееся только въ 1848 г. Въ теченіе этого времени, занимаясь постоянно и неутомимо изученіемъ лингвистическихъ и этнографическихъ отношеній различныхъ вѣтвей сибирскихъ Самоѣдовъ, Остяковъ, Татаръ и т. д., Кастрень посѣтилъ на значительномъ протяженіи берега Оби и Енисея, и прослѣдилъ жилища Самоѣдовъ до самыхъ южныхъ ихъ предѣловъ въ Саянскихъ Горахъ. Особенное преимущество Кастрена предъ другими изслѣдователями Самоѣдскихъ племенъ заключалось въ томъ, что онъ принялся за занятія подобнаго рода, такъ сказать, во всеоружіи лингвистики, отлично знакомый съ финскими нарѣчіями и изучивъ, насколько это было необходимо, нѣкоторые восточные языки. Результаты изслѣдованія Кастреномъ Самоѣдскихъ племенъ изложены имъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) *Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844*, herausgegeben von A. Schiefner, St. Peterb. 1853; 2) *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, herausgegeben von A. Schiefner, St. Peterb. 1856; *Grammatik der Samoiedischen Sprachen*, herausgegeben von Schiefner, St. Peterb. 1854; 4) *Wörterverzeichnisse der Samoiedischen Sprachen*, bearbeitet von Schiefner, St. Peterb. 1855; и 5) *Etnologische Vorlesungen über die Al-*

taischen Volker, nebst Samojedischen Märchen und Tatarischen Heldensagen, herausgegeben von Schiefner, St. Peterb. 1857. Первые два сочинения переведены по-русски и помѣщены въ изданіи Фролова «*Магазинъ Землеводствъ и Путешествій*», т. VI, Москва, 1860 г., подъ названіемъ: *Путешествіе Александра Кастрена по Лапландіи, Сѣверной Россіи и Сибири* (1838—1844, 1845—1849 гг.). Кромѣ того, въ *Этнографическомъ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, 1858 г. (вып. IV, стр. 219) помѣщена статья Ламанскаго, подъ названіемъ: «*Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Карелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ*»; статья эта составлена по путевымъ воспоминаніямъ Кастрена 1838—1844 годовъ.

Сѣверные Самоѣды, живущіе на западной сторонѣ Уральскаго Хребта, отъ которыхъ, по словамъ Кастрена (стр. 294 *), сибирскіе ихъ соплеменники, живущіе на восточной сторонѣ этого хребта до Енисея и далѣе къ востоку, почти ни чѣмъ не отличаются—описаны имъ подробно въ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838—1844 годовъ. Въ нихъ ученый путешественникъ обстоятельно говоритъ: о тадибеяхъ или самоѣдскихъ шаманахъ (121—129), объ языческихъ вѣрованіяхъ Самоѣдовъ (129—132, 168—169, 190), о свадебныхъ обрядахъ (140—143), наружномъ видѣ и одеждѣ Самоѣдовъ (143, 144), наконецъ о характерѣ ихъ (148, 149). На стр. 184, 186, 190 и 273 помѣщены замѣтки объ общественномъ бытѣ Самоѣдовъ, а на 193—о занятіяхъ ихъ. Нѣсколько мелкихъ замѣтокъ о Самоѣдахъ Туруханскаго Края встрѣчается на стр. 333—335, 338, 339, 340, 359.

Сообщаемыя Кастреномъ свѣдѣнія о Самоѣдахъ вошли отчасти въ сочиненіе Гагемейстера «*Статистическое обозрѣніе Сибири*», составленное по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1854 г., 3 т. (Т. II, стр. 32—34).

Такъ какъ сѣверные сибирскіе Самоѣды, какъ замѣчено выше, почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ соплеменниковъ живущихъ по западную сторону Уральскаго Хребта, то здѣсь нельзя умолчать о двухъ слѣдующихъ сочиненіяхъ, которыя хотя и описываютъ бытъ архангельскихъ Самоѣдовъ, но тѣмъ не менѣе относятся и къ сибирскимъ Самоѣдамъ: первое изъ нихъ принадлежитъ Иславину: «*Самоѣды въ общественномъ и домашнемъ быту*», Спб. 1847 г., а второе — Максимову «*Годъ на сѣверѣ*», Спб. 1859 (11, 182).

*) Ссылки сдѣланы по русскому переводу.

Въ 1857 г. въ XII кн. «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» помѣщена статья Абрамова „Описаніе Березовскаго края“. Въ ней цѣлый особый отдѣлъ посвященъ Самоѣдамъ (350—360). Абрамовъ долго былъ смотрителемъ Уѣзднаго Училища въ Березовѣ, не разъ посѣщалъ Обдорскъ и, какъ человѣкъ любознательный, могъ собрать не мало точныхъ свѣдѣній о Самоѣдахъ. Помянутая выше статья его, кромѣ историческихъ свѣдѣній, относящихся отчасти къ характеристикѣ Самоѣдовъ, включаетъ въ себѣ описаніе наружнаго вида ихъ, одежды, жилищъ и пищи (353, 354), замѣтки объ общественномъ бытѣ (355, 356, 357) и нѣкоторые свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ (357, 358) и обычаяхъ частной жизни (358, 359) Самоѣдовъ.

Въ томъ же 1857 году въ „Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ помѣщена моя статья, подъ названіемъ: „Очерки Туруханскаго Края“. Въ ней одинъ отдѣлъ посвященъ Юракамъ, двумъ родамъ Самоѣдовъ бродящимъ по берегу р. Таза и при Ледовитомъ Морѣ. Я имѣлъ случай познакомиться съ Юраками въ бытность мою въ Туруханскомъ Краѣ въ 1846 г., и въ названной статьѣ помѣстилъ замѣтки о физическихъ свойствахъ Юраковъ, одеждѣ ихъ, жилищахъ, занятіяхъ и обычаяхъ при родинахъ, сватбѣхъ и похоронахъ.

Въ 1860 г. въ № 2-мъ „Вѣстника Императорскаго Географическаго Общества“ помѣщена статья Мордвинова, подъ названіемъ „Инородцы обитающіе въ Туруханскомъ Краѣ“ (25—64). Мордвиновъ былъ довольно долго Енисейскимъ Окружнымъ Начальникомъ и имѣлъ случай наблюдать Юраковъ и вообще Самоѣдовъ Туруханскаго Края во время поѣздки своей въ этотъ край. Въ названной статьѣ описаны имъ: пространство страны, занимаемой Юраками и Самоѣдами (28, 29, 30), средства ихъ къ жизни (44, 45), наружность, одежда, жилища (45, 46, 47), нѣкоторые обычаи при промыслахъ (47), обряды при родинахъ, сватбѣхъ и похоронахъ (48—53); наконецъ, сообщается нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о шаманствѣ (62—64).

Въ 1865 г. Императорское Русское Географическое Общество издало сочиненіе Кривошапкина, подъ названіемъ: „Енисейскій Округъ и его жизнь“, Спб. 2 т. Во II-мъ томѣ этого сочиненія авторъ касается также быта Самоѣдовъ и Юраковъ (145—154), а именно: сообщаетъ свѣдѣніе о мѣстѣ жительства ихъ (145, 146); потомъ говоритъ о наружности, одеждѣ, пищѣ и питъѣ Самоѣдовъ (147), ихъ хозяйственномъ бытѣ (148), жилищахъ (149), свадебныхъ обрядахъ, обрядахъ при родинахъ, похоронахъ и о характерѣ Самоѣдовъ (199—151); въ заключеніе, авторъ описываетъ наружность,

одежду, занятія, свадебные обряды, увеселенія Юраковъ и лечебныя средства, употребляемые ими при разныхъ болѣзняхъ. Кривошапкинъ былъ Енисейскимъ Окружнымъ медикомъ, и посѣтилъ Туруханскій Край съ медицинскою цѣлью. Въ особенности онъ имѣлъ возможность собрать вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія относящіяся до его специальности.

Изъ послѣднихъ работъ по этнографіи Самоѣдовъ Туруханскаго Края въ особенности заслуживаетъ вниманія напечатанное Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, во II-мъ т. „Записокъ по Общей Географіи“ (1871 г.), сочиненіе Третьякова, подъ названіемъ: *«Туруханскій Край, его природа и жители»*. Авторъ былъ довольно долго Туруханскимъ Отдѣльнымъ Засѣдателемъ, и имѣлъ полную возможность наблюдать Самоѣдовъ на большей части пространства ихъ кочевьевъ. Замѣтки Третьякова почти вездѣ отличаются особенною полнотою и вѣрностью. Въ одномъ только невозможно съ нимъ согласиться, именно въ томъ, что Юраки и Самоѣды, какъ онъ полагаетъ, составляютъ два различныхъ племени — мнѣніе, котораго придерживается, повидимому и Кривошапкинъ, хотя противъ него достаточно выставить авторитетъ такого спеціалиста, какъ Кастрень. Бросивъ взглядъ на мѣста кочевьевъ Юраковъ и Самоѣдовъ (161), Третьяковъ описываетъ подробно сперва наружный видъ, психическую дѣятельность, одежду, обувь (178—181), обряды при родинахъ, сватбахъ, семейный бытъ, болѣзни и увеселенія Юраковъ (181—187); затѣмъ переходитъ отдѣльно къ описанію наружнаго вида (187), свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ (188—190), религіозныхъ вѣрованій (200—205) и шаманства Самоѣдовъ (211—225). Сравненіе характера Юраковъ и Самоѣдовъ помѣщено на стр. 187 и 188.

Перехожу теперь къ южной группѣ Самоѣдовъ.

Изъ племенъ составляющихъ эту группу, Томскіе Самоѣды живутъ въ Нарымскомъ Краѣ Томской губерніи, по р. Оби и правымъ и лѣвымъ ея притокамъ: Тыму, Кети, Парабелю, Чаю, Чежабкѣ и по самому нижнему теченію Чулыма; Камасинцы обитаютъ въ Канскомъ Округѣ Енисейской губерніи, по берегамъ рѣкъ: Кана, Маны, Агула, Кангула и другихъ; Карагасы бродятъ отчасти въ Канскомъ, но болѣе въ Нижнеудинскомъ Округѣ Иркутской губерніи, въ тайгахъ между рѣками: Удою, Бирюсою, Окою и Каномъ; Кайбалы, Маторы и Бельтиры находятся въ Минусинскомъ Округѣ Енисейской губерніи, занимая, вмѣстѣ съ тюркскими племенами, часть долины верхняго Енисея; наконецъ, Сойоты кочуютъ: китайскіе подданные—въ Саянскихъ Горахъ, а русскіе — въ Туинскомъ Краѣ Иркутской губерніи.

Основываясь на старинныхъ свѣдѣніяхъ, нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Клапротъ, полагали, что сѣверная часть Томской губерніи заселена преимущественно Остяками; Самоѣдамъ-же отводили лишь нѣсколько небольшихъ участковъ на правомъ берегу Оби и по рѣкамъ Тыму, Кети и Чулыму. Но Кастренъ доказалъ, что, на самомъ дѣлѣ, Остяки занимаютъ только область р. Васъ-Югана, всѣ-же прочія мѣста, какъ по Оби, такъ и по ея притокамъ, заселены Самоѣдами. Въ названномъ выше сочиненіи своемъ *Reiseberichte und Briefe* онъ довольно обстоятельно говоритъ о языческой религіи Томскихъ Самоѣдовъ (294, 295 рус. перев.) и шаманствѣ ихъ (297), приводитъ образцы народной поэзіи (298—305), замѣчаетъ что древніе обычаи, нравы и учрежденія Томскихъ Самоѣдовъ, большею частію, позабыты, и описываетъ ихъ образъ жизни, одежду, жилища, пищу и занятія. Свѣдѣнія, сообщаемыя Кастреномъ о Томскихъ Самоѣдахъ, помѣщены въ моемъ сочиненіи, подъ названіемъ. «*Нарымскій Край*», Томскъ. 1872 г. (52 — 68). Во время поѣздки моей въ Нарымъ, въ 1868 году, я убѣдился что означенныя свѣдѣнія не требуютъ никакихъ измѣненій или дополненій и въ настоящее время.

Выше замѣчено уже, что еще Зуевъ приписывалъ Камасинцамъ самоѣдское происхожденіе. Того же мнѣнія держались Палласъ и Георги, тогда какъ Степановъ считалъ Камасинцевъ положительно Тюрками. Этотъ спорный вопросъ окончательно разрѣшенъ Кастреномъ. По изслѣдованіямъ его, оказалось, что Камасинцы, состоящіе изъ трехъ улусовъ: Угумакова, Абалакова и Ачульского, представляютъ смѣсь Тюрковъ съ Самоѣдами. Угумаковский улусъ состоитъ весь изъ Тюрковъ или Татаръ и говоритъ тѣмъ же самымъ языкомъ какимъ говорятъ Качинскіе Татары, живущіе въ долинѣ Енисея. Жители Абалаковского улуса говорятъ языкомъ самоѣдскимъ, смѣшаннымъ съ татарскими словами. Что касается до Агульского улуса, то онъ состоитъ изъ потомковъ древнихъ Коттовъ, народа родственнаго съ Енисейскими Остяками. Абалаковский улусъ Камасинцевъ, по мнѣнію Кастрена, есть ничто иное, какъ колонія Самоѣдовъ, вышедшая изъ Саянскихъ Горъ (423). Но только языкомъ и ограничивается сходство ихъ съ Самоѣдами; по религіи жители этого улуса христіане, а въ большей части другихъ отношеній—Татары. Они носятъ татарское платье, держатся татарскихъ обычаевъ и даже въ чертахъ лица обнаруживаютъ помѣсь съ Татарами. Самоѣдскаго въ нихъ осталось только то, что они занимаются оленеводствомъ, и лѣса предпочитаютъ степямъ. Затѣмъ Кастренъ говоритъ объ образѣ жизни Камасинцевъ (423, 424).

Въ 1846 году мнѣ довелось встрѣтиться съ Камасинцами Аба-

лаковского улуса, и наблюденія мои надъ ними изложены въ статьѣ подѣ названіемъ „*Камасинцы*“, помѣщенной въ „*Москвитянинъ*“, 1851 г. № 18 (внутр. извѣст. стр. 100—110). Здѣсь набросана характеристика мѣстности по которой преимущественно бродятъ Камасинцы, описаны фізіономія ихъ, одежда, жилища, и помѣщены замѣтки о семейномъ бытѣ, общественномъ управленіи, нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ, брачныхъ обрядахъ, увеселеніяхъ, занятіяхъ и погребеніи.

Краткія свѣдѣнія о Карагасахъ собраны были Палласомъ въ 1772 г., въ бытность его въ Нижнеудинскѣ („*Путеш. по разн. провин. Росс. Госуд.*“ Т. III, полов. 1, 423—425). Эти свѣдѣнія касаются занятій, религіозныхъ вѣрованій, похоронныхъ обрядовъ, жилищъ и одежды Карагасовъ. Почти тоже самое повторено у Георги („*Описан. всѣхъ обитающихъ въ Россійск. Госуд. народовъ*“ II, 291—293) и позднѣе у Мартоса („*Письма о Восточной Сибири*“, 14—17). Кастрень наблюдалъ это племя въ 1845 году, и вотъ результаты къ которымъ привело его это наблюденіе. О Карагасахъ, говоритъ онъ, съ давнихъ поръ господствуетъ мнѣніе, что они самоѣдскаго происхожденія и находятся въ близкомъ родствѣ съ своими сосѣдями лѣсными Камасинцами. Еще въ недавнее время было высказано это мнѣніе, Беромъ (*Über Karagassen-shädel*, въ Bull. ph. math. III, 177), который, по фізіологическому изслѣдованію одного карагасскаго черепа, открылъ въ немъ самоѣдскій типъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже и при поверхностномъ взглядѣ, замѣчаются въ нѣкоторыхъ Карагассахъ черты свидѣтельствующія о ихъ самоѣдскомъ происхожденіи; однакожъ у большей части, какъ фізіономія, такъ и тѣлосложеніе, совершенно татарскія. Татарскаго же происхожденія и большая часть обычаевъ и нравовъ Карагасовъ: ихъ шаманство, религіозныя понятія и многое въ образѣ жизни, одеждѣ и т. п. Но въ тоже время во всемъ этомъ замѣчается и такое, что несомнѣнно составляетъ наслѣдіе отъ Самоѣдовъ. Въ доказательство самоѣдскаго происхожденія Карагасовъ можно привести и то, что они звѣроловы и занимаются оленеводствомъ, а такого образа жизни не ведетъ ни одно чистое, не смѣшанное, татарское племя. Кромѣ того, въ языкѣ Карагасовъ попадаются самоѣдскія слова, и даже нѣкоторые ихъ роды обозначаются самоѣдскими названіями. По всему этому должно заключить, что они одного происхожденія съ Кайбалами и Сойотами, и образовали свою національность еще въ то время, когда жили въ соѣдствѣ съ ними. А какъ теперь они говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ, которое ближе всего подходитъ къ качинскому, то, вѣроятно, Качинцы и уничтожили національность этого племени (428—430). —

Кастренъ составилъ даже грамматику кайбальскаго и карагасскаго языковъ: „*Kaibalische und Karagassische Sprachlehre, herausg. von Schiefner.*“ St -Pet. 1857.

Послѣ изслѣдованій о Карагасахъ Кастрена, необходимо упомянуть объ относящейся къ этому же предмету статьѣ священника Преловскаго, напечатанной въ „*Запискахъ и трудахъ Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета*“ за 1868—1869 гг., вып. IV, подъ названіемъ „*Нижнеудинскіе Карагасы*“, стр. 1—30. Здѣсь описаны: мѣстопробываніе и кочевья Карагасовъ (1, 2), наружный видъ, одежда и украшенія ихъ (3, 4), лѣтнія и зимнія юрты (5, 6), пища (6, 7), скотоводство (8), звѣропромышленность (9), вѣроисповѣданіе (10—15), нравы и обычаи (15—20); говорится о преданіяхъ, пѣсняхъ и музыкѣ (21—23); наконецъ помѣщено нѣсколько карагасскихъ словъ.

Сводъ свѣдѣній о Карагасахъ находится въ статьѣ моей „*Карагасы*“, помѣщенной въ „*Иллюстрированной Газетѣ*“ за 1871 г. №№ 43 и 44.

Кайбалы были описаны еще Палласомъ въ 1772 году („*Путеш. по разн. провинц. Росс. Госуд.*“ Т III, перв. полов., 523—530). По мнѣнію его, эти инородцы отличаются отъ всѣхъ Татаръ не столько одеждою и образомъ жизни, сколько видомъ и разговоромъ: лицомъ они похожи на Тунгусовъ, говоръ-же у нихъ самоѣдскій, съ примѣсью татарскихъ словъ (523). Въ подтвержденіе этого, Палласъ помѣщаетъ весьма краткій сравнительный словарь самоѣдскаго, кайбальскаго и карагасскаго нарѣчій (524—526). Затѣмъ онъ приводитъ краткія замѣтки о мѣстахъ кочевьевъ (526), прежней религіи и погребальныхъ обрядахъ Кайбаловъ, занятіяхъ ихъ, промыслахъ и обрядахъ при родинахъ (527—528). Въ заключеніе, Палласъ сообщаетъ отдѣльно небольшое свѣдѣніе о Маторахъ, которыхъ въ его время оставалось только 10 человѣкъ, такъ какъ между ними свирѣпствовала оспа. Въ одеждѣ и обычаяхъ Маторы сходны съ Кайбалами и крайне бѣдны. Прежнія языческія вѣрованія свои они позабыли или не хотѣли объ нихъ говорить.

Почти тѣже свѣдѣнія о Кайбалахъ и Маторахъ помѣщены: у 1) Георги („*Описан. всѣхъ обитающ. въ Росс. Госуд. народовъ*“, 111, 13), 2) Спасскаго („*Сибирскій Вѣстникъ*, Спб. 1818 года, 1, 88, Народы, кочующіе въ верховьяхъ Енисея; 1819 г. V, 2—4, тоже) и 3) Пестова („*Записки объ Енисейской Губерніи*“, Москва, 1833 г., стр. 86—89).

Степановъ („*Енисейская Губернія*“ ч. 11, 19, 37, 45, 52) признавалъ, что Кайбалы—племя татарское. „Языкъ, обычаи, древнѣйшее пребываніе на одномъ урочищѣ рука объ руку съ другими Тата-

рами, древнѣйшая извѣстность имени Кайбаловъ не только жителямъ, но и всѣмъ ордамъ соплеменнымъ — заставляютъ, по мнѣнію Степанова, каждаго и всякаго, кто только, путешествуя въ тѣхъ мѣстахъ, захочетъ обратить самое обыкновенное вниманіе на окружающіе предметы, признать Кайбаловъ за поколѣніе татарское*.

Кастренъ нашелъ, что изъ семи родовъ которые составляютъ племя Кайбаловъ, четыре самоѣдскаго происхожденія, а три — остяцкаго. Это мнѣніе основано имъ на языкѣ, который еще помнили нѣкоторые престарѣлые Кайбалы. Маторы составляютъ одинъ изъ самоѣдскихъ родовъ Кайбаловъ. Маторскій языкъ нынѣ совершенно исчезъ. Какъ Кайбалы, такъ и Маторы, совершенно отатарились (392, 404).

Свѣдѣнія о бытѣ Кайбаловъ и Маторовъ въ позднѣйшее время помѣщены въ статьѣ моей „Кайбалы“, напечатанной въ „Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, 1863 г. кн. VI, 109—118.

Краткія замѣтки о Бельтирахъ находятся у Палласа („Путеш. по разн. провин. Росс. Госуд.“ Т. III, перев. полов. 497—500). Палласъ говоритъ, что они во всемъ сходны съ Сагайскими Татарами, кромѣ того только, что нѣкоторые берутъ себѣ по двѣ и болѣе жены, чего у другихъ Татаръ Енисейской долины нѣтъ. Бельтиры занимаются скотоводствомъ и нѣсколько земледѣліемъ. Прежнія вѣрованія между ними еще не совсѣмъ исчезли: такъ они покойниковъ своихъ хоронятъ, вѣшая на деревья, чего не было у другихъ Татаръ.

Свѣдѣнія сообщенныя о Бельтирахъ у Георги („Описан. всѣхъ обитающ. въ Росс. Госуд. народ.“ II, 168) и Пестовымъ („Записки объ Енисейской губерніи“ 82—85) не заключаютъ ничего новаго, сравнительно съ свѣдѣніями, сообщенными Палласомъ.

Позднѣйшій бытъ Бельтировъ описанъ въ статьѣ моей „Бельтиры“, напечатанной въ V кн. „Записокъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“. Въ настоящее время Бельтиры совершенно отатарились.

Самымъ южнымъ изъ самоѣдскихъ племенъ считаются, обыкновенно, Сойоты, обитающіе въ Саянскихъ Горахъ, преимущественно въ предѣлахъ Китая. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ нихъ можно найти у Палласа и Георги; но ближе всѣхъ, до послѣдняго времени, былъ знакомъ съ ними русскій пограничный комиссаръ Пестеревъ, который, въ 1775 и послѣдующихъ годахъ, обозрѣвалъ нашу пограничную линію съ Китаемъ. Замѣтки Пестерева опубликованы Клапротомъ въ *Magazin Asiatique* 1825, T. I, 170, въ статьѣ: *Pesterev, Remarques sur les peuples de la front. chinoise etc.* Изслѣдо-

ваніе китайскихъ Сойотовъ до послѣдняго времени было весьма затруднительно, вслѣдствіе препятствій поставлявшихся китайскими властями для всякаго кто вздумалъ бы проникнуть въ Саянскія Горы. Несмотря, однакоже, на это, Кастрену въ 1847 году удалось пробраться туда со стороны Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Онъ нашелъ, что китайскіе Сойоты говорятъ теперь почти тѣмъ же тюркскимъ нарѣчіемъ, какимъ и Минусинскіе Татары, и очень вѣроятно, что и встарину бѣльшая часть ихъ были чистые Тюрки или Татары. Но нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно самоѣдскаго происхожденія. Это доказывается отчасти тѣмъ, что многія сойотскія названія родовъ встрѣчаются и у Самоѣдовъ, отчасти тѣмъ, что и въ самомъ сойотскомъ языкѣ встрѣчается много самоѣдскихъ словъ (411). Кромѣ того, Кастрень посѣтилъ Сойотовъ, русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Тункинскомъ Краѣ, и нашелъ, что здѣсь они совершенно обурятились, не сохранивъ никакихъ преданій о своемъ самоѣдскомъ происхожденіи (433, 434).

Въ послѣднее время Тункинскіе Сойоты были наблюдаемы натуралистомъ Радде („*Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859*, 47, 48“). По его мнѣнію, Сойоты составляютъ совершенно особенное племя, въ которомъ кровь сѣвернаго самоѣда соединена съ южною тюркско-татарскою кровью. Теперь это племя говоритъ монгольскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ и у Бурятъ. Сойоты утверждаютъ, что они забыли родной языкъ и полагаютъ, будто Урянхи на монголо-китайской границѣ—ихъ братья. Радде представляетъ нѣсколько замѣтокъ о тѣлосложеніи Сойотовъ, жилищахъ ихъ, занятіяхъ, сватъбахъ и похоронахъ.

Гельмерсенъ утверждаетъ, что Урянхи, о которыхъ упомянуто выше, соплеменны съ нашими Сойотами, обитающими у подошвы Саянскаго Хребта, основывая свои выводы какъ на сходствѣ въ наружности, такъ и на самомъ названіи этихъ племенъ. Урянхи, живущіе на берегахъ Косогола, извѣстны Монголамъ подъ именемъ Соитъ-Урянхай, въ отличіе отъ Сангэй-Урянхай, живущихъ на югъ отъ первыхъ, во владѣніяхъ халхаскаго вана (князя). Наружностью Урянхи рѣзко отличаются отъ Монголовъ; языкъ ихъ также не имѣетъ ничего общаго съ монгольскимъ (Отчетъ И. Р. Г. О. за 1864 г., стр. 19).

Но здѣсь, въ Монголіи, исчезаютъ дальнѣйшіе слѣды самоѣдскихъ племенъ.

Все вышеизложенное относится, главнымъ образомъ, только къ тѣмъ лицамъ которыя непосредственно наблюдали самоѣдскія племена въ Сибири, и къ тѣмъ работамъ въ которыхъ болѣе или менѣе подробно изложены результаты такого наблюденія всѣхъ сто-

ронъ быта Самоѣдовъ. Но, кромѣ того, существуетъ значительная масса работъ въ которыхъ этнографическій элементъ играетъ хотя и второстепенную роль, но которыя тѣмъ не менѣ заслуживаютъ полного вниманія, потому что представляютъ результаты или непосредственныхъ наблюденій извѣстныхъ лицъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ быта Самоѣдовъ, или основаны на наблюденіяхъ лицъ хорошо знакомыхъ съ ихъ бытомъ. Вся масса такихъ работъ, для бѣльшей удобности, можетъ быть раздѣлена на два отдѣла, а именно: 1) на работы русскія и 2) на работы иностранныя. Слѣдующій хронологическій списокъ такихъ работъ перечисляетъ только наиболѣе значительныя изъ нихъ.

1. Работы русскія.

Особыя сочиненія:

1788 г. Краткое описаніе образа жизни Самоѣдовъ и Лопарей, обитающихъ въ Сибири. Спб.

1803 г. *Фишеръ*: Recherches historiques sur les principales nations, établis en Sibirie et dans les pays adjacens, lors de la conquête des Russes, trad. par Stallenwerck. Paris.

1860 г. *Миддендорфъ*: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб. Самое капитальное сочиненіе о Сибири, вышедшее въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Послѣдней, собственно этнографической части, въ Сибири еще не получено; но на сколько она должна быть важна для этнографіи сибирскихъ инородцевъ, можно судить по бюллетенямъ Академіи Наукъ, гдѣ въ свое время помѣщались извѣстія о путешествіи нашего ученаго.

1861 г. *Шёренъ*: Gesammelte Schiften. T. I. Historisch-ethnograph. Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St. Pet.

1862 г. *Завалишинъ*: Описаніе Западной Сибири. Москва. 2 т.

1864 г. *Кушелевскій*: Путевыя записки, веденныя во время экспедицій 1862, 1863 и 1864 г., предпринятыхъ для открытія сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній на сѣверѣ Сибири отъ р. Енисея чрезъ Уральскій Хребетъ до р. Печоры. Тобольскъ.

1866 г. *Его же*. Сѣверный полюсъ и земля Ямалъ, путевыя записки. Спб.

Періодическія изданія:

1833 г. *Московскій телеграфъ*, кн. XIII, Путешествіе въ Березовъ и Обдорскъ.

1847 г. *Записки Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства*, ч. V. Опись береговъ Сѣвернаго Океана отъ Ка-нина Носа до Обдорска, штурмановъ Иванова и Бережныхъ; 1851 г., ч. IX. Берегъ Ледовитаго моря между рѣкъ Оби и Оленска, по съемкѣ 1734—1742 гг. Записки лейтенанта Лаптева и замѣча-нія другихъ описателей.

1857 г. *Тобольскія губернскія Вѣдомости*: №№ 13 и 22—Замѣт-ки объ инородцахъ Березовскаго Округа; 1858 г. № 2.—Берега Оби и ихъ обитатели; № 9 — Самоѣдскій праздникъ въ Обдорскѣ; № 30 — Очеркъ ловли звѣрей и птицъ въ Тобольской губерніи; 1860 г.; № 8 — Нѣкоторыя свѣдѣнія о законахъ и обычаяхъ ино-родцевъ Березовскаго Округа; 1861 г., № 15 — Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Обдорскихъ инородцахъ и странѣ ими обитаемой; № 26—Еще нѣсколько свѣдѣній о Березовскихъ инородцахъ; № 29 — О Само-ѣдахъ Березовскаго Округа; 1868 г., № 4 — О вѣрованіяхъ и обря-дахъ Самоѣдовъ; 1871 г., № 6 — Березовскіе Самоѣды.

1859 г. *Томскія Губернскія Вѣдомости*: № 49 — О промышлен-ности русскихъ крестьянъ и инородцевъ Нарымскаго края; 1860 г. №№ 6 и 7 — продолженіе и окончаніе той же статьи; 1867 г., № 23 — Томскіе Самоѣды.

1860 г. *Разсвѣтъ*, № 9—Зауральскіе Финны.

1863 г. *Современникъ*: № 1—Отъ Тобольска до Березова; № 11—Обдорскъ. Стат. Губарева.

2. Иностранныя работы.

Особыя сочиненія:

1730. *Strahlenberg*. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.

1837. *Müller*. Der Ugrische Volkstamm oder Untersuchungen über die Ländgebiete am Kaukasus in historischer, geographischer une ethnohraphischer Beziehung. Berlin.

Періодическія изданія:

1784. *Büsching*. Magazin für die neue Histoire und Geographie, T. XVIII (Eigentliche und richtige Bescheiburg des neuen Landes und Königreichs Sibirien).

1851. *Ermtan*. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, (Kastren—Poetische Denkmäler der Samojuden).

Если принять во вниманіе, что численность всѣхъ самоѣдскихъ племенъ въ Сибири простирается не выше 18 тыс. дуть о. п., то нельзя не признать, что имъ были посвящены весьма значительные труды со стороны русскихъ ученыхъ и путешественниковъ. Сводъ всего, что было у насъ писано о Самоѣдахъ, составилъ бы довольно большое сочиненіе, которое обняло бы собою всѣ отдѣлы этнографіи, и въ которое вошли бы весьма тщательно сдѣланныя наблюденія въ отношеніи къ тѣлесному составу, фізіологическимъ отправлениямъ и психической дѣятельности Самоѣдовъ; къ общественному и домашнему ихъ быту; къ одеждѣ и вооруженію; къ промышленности и ремесленности; къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ; наконецъ, къ юридическимъ и другимъ обычаямъ. Подобный сводъ очищенныхъ критикою свѣдѣній о Самоѣдахъ могъ бы вполне соответствовать всѣмъ требованіямъ современной науки, такъ какъ племена ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири были наблюдаемы многими спеціалистами и знатоками своего дѣла, медиками, естествоиспытателями и, наконецъ, такимъ лингвистомъ, какимъ былъ Кастренъ. Въ настоящее время, относительно самоѣдскихъ племенъ, обитающихъ въ Сибири, только и можно пожелать одного, именно составленія такого свода.

Томскъ.
